

**Сергей
КАЛИНИН**
г. Барнаул

ПОДРАНОК

В небе над огородом парил коршун. Казалось, он просто висел в воздухе. Обычное дело. Высматривая, чем поживиться, эти птицы подолгу кружат высоко в небе, а увидев что-нибудь интересное, камнем падают вниз и столь же стремительно взлетают, унося в своих когтях добычу. Этот просто висел. Порой казалось, что это и не птица вовсе, а просто тёмная точка на небе.

Был тёплый весенний день. Солнце стояло в зените. Вовсю звенела мартовская капель. Снег почти сошел, оставляя проталины. Внизу огорода, там, где росли столетние ивы, двенадцать исполинских деревьев, на проталине, согретой лучами мартовского солнца, распустились подснежники. Недаром в старину месяц март в народе назывался – протальник. Время, когда водят хороводы и встречают весну-красну.

До настоящего тепла далеко. Снег хоть и отступил, ещё долго будет лежать на холодной земле, а северные, обжигающие холодом ветра ещё не раз напомнят, что зима хоть и ослабла, но не сдавалась. Но весне не страшны эти зимние происки. Тёплое и яркое мартовское солнце постепенно

прогреет своими лучами остывшие за долгую зиму землю и воздух. В марте природа просыпается от зимней спячки.

В палисаднике на липе, березе и клене набухли почки, а сосна и кедрушка покрылись множеством мелких сосуллек, как будто вновь собрались праздновать Новый год. Рябина и облепиха пока не спешили просыпаться. Видимо, зимой им досталось от морозца. Повсюду журчат ручьи, слышится звон весны. Воздух пропитан весенней свежестью.

В скворечнике на сарае уже который день орудуют прилетевшие скворцы, наводя порядки в своем жилище. Иногда ветер доносит пение жаворонка. Пейзаж вокруг по-настоящему оживает от громкого пения первых птиц. Везде слышно веселое чирикание воробьёв. Казалось, эта братия просто сошла с ума от радости по весеннему солнцу. Грачи, прилетевшие с приходом весеннего тепла, важно вышагивают по огороду, выискивая проснувшихся жучков и червячков. Небосклон был ясным и чистым, немного подёрнутым кучевыми облаками.

На крыльцо деревенского дома вышла женщина. Прислонив ладонь ко лбу, как козырек, она посмотрела вверх, подставляя лицо лучам весеннего солнца, которое нежно ласкало кожу своим теплом. Спустившись с крыльца, женщина по-

дошла к поливному баку с водой. Она набрала в большую пластиковую кружку воды и поставила её возле будки. Будка была пуста. Собак у них уже давно не было, а будку облюбовал в качестве своей резиденции кот.

Она помнила его ещё маленьким беспомощным котёнком, который без устали лазал по шторам и изрядно попортил весь тюль. Теперь это был обычный серый кот с весьма уравновешенным характером, немного вальяжный, но очень ласковый и преданный своей хозяйке. Удивительно, но в ветеринарном паспорте значилось: «Британец». Но женщина любила кота не за редкую дорогую породу. Она и сама не знала за что. А разве любить нужно за что-то?

Кота в будке не было. «Шляется где-то гулёна», – подумала женщина.

У котов в марте на уме одни гульбища. Уже который день орут по утрам свои кошачьи песни. Она распрямилась, потёрла рукой поясницу и пошла в сторону огорода посмотреть, не взошла ли рассада в парниках.

Внезапно в воздухе раздался переливающийся свист: «пиийию-йю-йю-йю-йю», «юрль-ююррль-ююрррль», «пийийюйюйюйю», отдаленно напоминающий ржание жеребенка. Перед ней из ниоткуда, распахнув крылья, оказался коршун. Казалось, что он хочет обнять её. Птица и женщина замерли и неподвижно смотрели друг на друга. Она узнала его. Это же он, вывалившийся из гнезда и сломавший крыло её прошлогодний подранок!

II

Семья чёрных коршунов уже на протяжении многих поколений гнездилась в кроне высоких ив, которые росли внизу склона холма. За ивами начиналось небольшое болотце, которое пересыхало, когда лето было особенно жарким. Чуть поодаль протекал ручей. По другую сторону ив на склоне холма располагался огород, а на вершине стоял жилой дом. Люди не трогали ивы и доставляли коршунам беспокойство лишь весной, в период пахоты, и осенью, когда шёл сбор урожая. Год из года ивы становились выше, а их стволы мощнее. Иногда ураган выкручивал несколько слабых ветвей, тогда люди забирали их на дрова. В остальное же время уголок оставался заповедным. Людям, живущим в доме на холме, почему-то нравилось такое соседство.

Из года в год весной пара коршунов прилетала в своё гнездо. Самка деловито поправляла конструкцию, обветшавшую после долгого зимнего отсутствия, а самец по-хозяйски обеспечивал её строительными материалами.

В апреле произошло радостное событие, судьба подарила им не два, как обычно, а три яйца в кладке, которые, как и положено, были отложены с интервалом в три дня. В мае вылупились птенцы. Малыши были очень активные и жизнеспособные, даже «младшенький». Родители неустанно кормили свой выводок. Пищи всем хватало, только уставали сильнее, так как приходилось кормить не двоих, а троих птенцов. Все трое были мальчишки и постоянно устраивали между собой потасовки. Братья быстро росли и набирались сил. В конце июня птенцы начали вставать на крыло.

В тот летний день они не поделили, кто полетит первым, и устроили потасовку, да такую, что в запале вытолкнули младшенького из гнезда. От неожиданности молодой коршунёнок не успел расправить крылья и рухнул на землю с шестиметровой высоты. От удара о землю помутнело в голове и пронзило резкой болью крыло. Какое-то время младшенький лежал неподвижно и не мог пошевелиться. Он только жалобно издавал резкое скрипучее «кирри», «киир-ки-ки-ки», как бы прося о помощи.

Вскоре прилетели родители. Вначале они кружили над ивой, пытаясь понять, откуда из высокой травы идёт зов о помощи. Потом по очереди спустились вниз. Они посмотрели на своего «младшенького» и поняли – приговорен. С такой травмой крыла он не жилец, и помочь они ничем не смогут. Коршуны попрощались с ним и улетели. К сожалению, природа сурова к своим детям.

Коршунёнок с трудом поднялся на лапы, помогая здоровым крылом. Сломанное крыло бесполезно висело, и при любом движении тело пронзала боль. Птенец плакал и продолжал жалобно просить о помощи: «кирри», «киир-ки-ки-ки», «кирри», «киир-ки-ки-ки», но помощь не шла.

Шум и возню слышали люди, живущие на холме.

III

С холма по тропинке спускались двое, мужчина и женщина. В руках у них были странные предметы. Сердце коршунёнка заколотилось от волнения. Силы покидали его.

Люди окружили раненую птицу. Мужчина отвлек внимание, а женщина коварно схватила птенца сзади. Он дернулся, пытаясь вырваться, но руки женщины крепко его держали. Мужчина надел птице на голову плотный носок. Наступила темнота, и подранок успокоился.

Осмотрев крыло, мужчина сказал: «В рубашке птах родился. Вывих, правда, серьёзный, возможно – трещина. У нас попугай как-то жил, так

тоже долбанулся крылом со всего лёту об угол шкафа, думали перелом, а оказалось вывих. Ветеринар опытный попался, на будущее научил, как определять на ощупь. Ох, и намаялись мы тогда с «попкой». Подержи страдальца, а я пока схожу за бинтом».

Послышался звук удаляющихся шагов. С того момента, как на голову надели странный предмет и глаза не видели свет, слух птенца особенно обострился.

Голос женщины звучал ласково и успокаивающе: «Бедолага ты, бедолага! Где же твоя орлиная рубашка? Не бойся. Сейчас прибинтуем тебе крылышко, и оно заживет. Будешь как новенький».

– Как вы тут? – спросил подошедший мужчина. От неожиданности младшенький вздрогнул, и из клюва вырвалось жалобное «кирри».

– Держимся. Мы молодцы! Прямо орлы! – бодро ответила женщина и улыбнулась.

Мужчина, пробежав еще раз пальцами по больному крылу, резко дернул и вправил больной сустав. После чего ловко начал приматывать крылья бинтом, пропуская его вокруг лап.

Что-то мягкое обвилось вокруг лапы. Коршун услышал слова: «Ну, вот и всё». По глазам резко ударил свет, и птенец вновь увидел мир во всех красках. Спасатели стояли рядом, в небольшом удалении, по-прежнему держа в руках странные предметы. Какая-то белая мягкая штука плотно сдавливала крылья, прижимая их к телу. Эта явная несвобода очень не нравилась птенцу, но он вынужден был признать, что так крыло болело гораздо меньше. Лапу обвивала тряпичная змея – люди называют её верёвкой. Другой её конец обвивал торчащий из земли кол. Не зная, как поступить, младшенький изобразил полное спокойствие и дождался, пока люди уйдут на холм.

Только когда их силуэты скрылись из виду, коршунёнок почувствовал резкий приступ голода...

* * *

– Бедняжка, да ты голодный, – произнесла женщина. Птах вздрогнул от неожиданности. Боль и голод притупили его бдительность, и он не уследил, как она подошла. Её ласковый голос успокаивал. «Посмотри, что я тебе принесла», – произнесла женщина и поставила перед ним миску с полосками свежего мяса и кружку с водой.

Она приходила несколько раз в день. Меняла воду, приносила полоски мяса, странных, но вкусных мышей – сосиски и пельмени. Изредка приходил мужчина. Обычно он приносил размоченный в молоке хлеб и варёный картофель. Вкус у пищи был

непривычный, но приятный. Пища была сытной. Дни текли за днями. Крыло перестало болеть, и наш птах всё чаще смотрел в небо. В эти моменты его глаза были полны тоски, одиночества и отчаяния. Он уже давно отклевал от лапы верёвку, но оказалось, что бежать некуда.

В один из дней с холма по тропинке спустились двое, мужчина и женщина. В кармане у женщины что-то блестело. Сердце коршунёнка заколотилось от волнения. С первого дня вдвоём они ещё не приходили к нему.

– Привет, бедолага! – сказал мужчина и, как обычно, положил в миску размоченную в молоке корку хлеба и вареную картофелину.

В то время, когда птах отвлекся на созерцание еды, женщина схватила его своими нежными, но сильными руками.

– Не дергайся, дурашка! – ласково произнесла она.

– Возьми у меня в кармане ножницы, – сказала она, обращаясь к мужчине.

Мужчина протянул руку и достал из кармана женщины странный блестящий предмет. После чего, как и в первый раз, надел на голову колпак, который люди называли носок.

Раздался треск разрезаемой ткани. После чего по глазам резко ударил свет, и коршун вновь увидел мир во всех красках. Спасатели стояли рядом.

Крылья были свободны, на лапе больше не болтался узел тряпичной змеи, возникло непреодолимое желание взлететь. Взмах крыльями, толчок, и коршун упал, уткнувшись клювом в высокую траву. Крыло не болело, но в нём не было той силы, которая нужна для полёта.

Люди, как и прежде, приносили ему еду. А он, вспоминая уроки родителей, каждый день тренировался, пытаясь взлететь.

Это случилось в жаркий полдень на излёте июля. Был чудесный день, один из дней, которые случаются тогда, когда погода установилась надолго. С самого рассвета небо было чистое и ясное; утренняя заря не полыхала багряным пожаром, а разлилась нежным румянцем по окрестным холмам.

Солнце стояло в зените, а потому всяк живой старался избежать его лучей и прятался в тень. Воздух, казалось, звенел от тепла и света, переливался волнами, парил над землёй. Младшенький, как обычно, разбежался вдоль ив, подпрыгнул, взмахнув крыльями, и взмыл вверх, поднимаемый потоками тёплого воздуха. Он парил! Сделав круг над огородом, коршун издал победный крик: «пийийюйюйюйю» и спикировал на своё место под вековым деревом, где в последнее время был его стол и дом.

Постепенно набирая высоту, стая оставила позади высокогорное плоскогорье Укок и через какое-то время продолжила свой полёт уже над степями Монголии. Ближе к вечеру наши путешественники сделали привал и вволю поохотились. Им предстоял очень длительный перелёт.

V

На горизонте земля – это мыс Йорк, Австралия. Сделав разворот над заливом Карпентария и оставив мыс позади, а Коралловое море по левому крылу, наша стая отправилась в глубь полуострова Кейп-Йорк. Здесь в национальных парках Блэк-Маунтинс и Айрон Рейндж – крайняя точка их пути.

Полуостров Кейп-Йорк – одно из самых труднодоступных мест Австралии. Через него тянется цепь холмов и гор – Большой Водораздельный хребет, простирающийся с юга на север почти до самого конца полуострова. По склонам этой гигантской горной цепи в восточном и западном направлении сбегают реки и ручьи, наполняя окрестности своим журчанием. Полуостров утопает в зелени. Он покрыт тропическим редколесьем и саванной с преобладанием эвкалиптов. После летних муссонов травы высокие и густые. Вдоль воды, как «маяки», местами растут чайные деревья.

Традиционными жителями этого района являются люди кууку яу, каанджу и умпила, которые верят в духов и богов в виде зверей и птиц. Эти люди боготворят местных коршунов, считая их воплощением богини. Те же в силу своей лени и изобретательности поджигают эвкалиптовые леса, разнося в когтях тлеющие угли, чтобы упростить себе поиск пищи.

«Наши» коршуны, прилетев на зимовку на полуостров Кейп-Йорк, узнали много нового о животном мире редколесья и дождевого тропического леса, увидев новых интересных животных.

Леса плато Атертон, где поселились пернатые путешественники, переполнены разнообразием видов флоры и фауны. У вершин наиболее высоких гор полуострова встречаются австралийские представители редких растений, каких нет в Сибири.

Бесчисленные коралловые островки и рифы усеивают Торресов пролив, особенно между районом «высоких островов» и Большим Барьерным рифом. Все островки овальной формы, песчаные и плоские, но растительность на них хорошая. Птицы любят устраивать здесь рыбалку, коршуны тоже не отстают от своих пернатых собрать-

ев. Рыба вкусная и «легкая», так как коралловые рифы буквально кишат всякой рыбьей мелочью.

Много узнал наш младшенький за долгие дни зимовки. Мангровые леса и эвкалиптовые рощи постоянно напоминали ему о столетних ивах дома, и сердце наполнялось тоской.

И когда уже желание вернуться превысило ощущение комфорта и новизны, настал час перелета.

К этому сроку молодняк поменял окрас и стал выглядеть так же, как и старшие собратья.

И снова в путь. И снова тысячи километров под крылом.

Все тяготы обратного перелета позади. Здравствуй, дом, здравствуйте, родные ивы и родной огород! Младшенький зависает и делает круг за кругом.

Где она? Где его спасительница?

Ему так много хочется ей рассказать!

И вдруг на крыльцо деревенского дома вышла женщина. Прислонив ладонь ко лбу, как козырек, она посмотрела вверх, подставляя лицо лучам весеннего солнца, которое нежно ласкало кожу своим теплом. Спустившись с крыльца, женщина пошла к поливному баку с водой. Она набрала в большую пластиковую кружку воды и поставила её возле будки, а затем пошла в сторону огорода посмотреть, не взошла ли рассада в парниках.

Это была она! Коршун издал торжественный переливающийся свист: «пиийию-йю-йю-йю-йю», «юрль-ююррль-ююрррль», «пиийюйюйюйю». Он резко спустился к ней и распахнул крылья. Он хотел ее обнять и рассказать о том, как много ему пришлось пережить с момента их последней встречи.

Коршун знал, что люди никогда не тронут его гнездо на столетней иве и небо над огородом будет всегда под его контролем.

А женщине было приятно, что птица ее вспомнила.

Дружба – она как море. У нее свои «приливы» и «отливы». Но если она настоящая... она жива, пока бьется сердце.

Птица и женщина замерли и начали внимательно рассматривать друг друга.

– Здравствуй, – улыбнулся коршун.

– Здравствуй, я рада, что ты вернулся.

ПУЛЬС ЗЕМЛИ

Тишина. Раннее утро. Солнышко только начинает свой путь. Кое-где в лощинах туман. Мы идём с дедушкой по полю. Роса со звоном осыпается с травинок, и капли летят во все стороны. Кирзовые сапоги блестят от влаги. Мне они до колен. Стараюсь не отставать. Неожиданно поле заканчивается, и мы уже стоим на краю оврага. Из-за тумана не видно, что там внизу. Немного жутко, но я смело делаю шаг по тропинке вниз, вслед за дедушкой. Вижу только темный силуэт его спины. И вот мы уже на дне огромного оврага. В воздухе пахнет затхлостью, и я рефлекторно шмыгаю носом и ёжусь от холода. Глаза уже привыкли, да и туман начинает рассеиваться, и, приглядевшись, я вижу под ногами ровные рядки кочек, как будто земля покрылась пупырышками, как кожа, когда холодно. Дедушка говорит:

– Видишь кочки? Это болото, поэтому так пахнет.

Дедушка достает рогульку из прутиков ивы, держит её в руках и очень медленно идёт, поворачиваясь из стороны в сторону. Земля становится более влажной, ноги соскальзывают с кочек, и сапоги чавкают по грязи. Неожиданно рогулька в руках дедушки дергается, он поворачивается несколько раз туда-сюда, делает шаги вперёд, отступает назад. Наконец говорит:

– Тут!

– Деда, что «тут»? Мы клад нашли? – изумлённо смотрю на деда.

– Надеюсь, – говорит он и в самом деле, встав на колени, начинает рыхлить и копать землю маленькой саперной лопаткой. Вскоре получилась большая лунка, почти как у бабушки на капустной грядке, только чуть больше и глубже.

– Иди сюда, Серёжа, – подзывает меня дедушка. – Хочешь послушать, как бьётся сердце у Земли?

Удивлённо смотрю на деда.

– А она что, живая? У неё разве есть сердце?

– Конечно, живая! Клади сюда руку. Слушай.

Прижимаю ладонь ко дну лунки как можно плотнее. Вначале ладонь ничего не чувствует, кроме влажной земли. Но неожиданно в ладонь что-то ударяет. В испуге отдергиваю руку.

– Не бойся, – улыбается дед. – Держи подольше, а то не услышишь.

Снова прикладываю ладонь и жду. Испуг прошёл, и проснулось детское любопытство. Через пару минут в ладонь приходит импульс, потом ещё и ещё. Вибрации то затихают, то усиливаются, и действительно кажется, что бьётся сердце – сердце Земли. Поворачиваю лицо к деду, в моих

глазах восторг, радость и вопросы.

– Это родник бьёт себе дорогу, – улыбается дед. – Мы сейчас ещё ему немного поможем, и он сам найдёт дорогу.

– Родник? А что это?

– Это вода. Вода из-под земли. Она питает реки и озёра. Мы с тобой её позвали, и она к нам пришла, пришла родником.

Дедушка снова встаёт на колени. Тихо читает над лункой какую-то молитву. Из всех слов только и различаю: «Боже, помоги» и «Аминь».

Потом дед достаёт из-за голенища сапога нож и начинает им ещё углублять лунку, выгребая грунт на края.

– Теперь нужно ждать, – говорит дедушка, и мы садимся на две соседние кочки и смотрим.

Солнце уже взошло. Туман рассеялся, но нам не жарко. На дне оврага даже немного прохладно. Устав сидеть, я начинаю бегать от лунки к деду. Он улыбается, но терпеливо ждёт. Неожиданно раздался звук, похожий на «чпок», и в центре лунки начала пузыриться грязь, которая всё быстрее наполняет лунку до самых краёв.

– Это родник проснулся, – говорит дедушка, прижимая меня к себе, чтобы я не боялся. – Пойдём, Серёжа, поздороваемся с ним.

Подхожу и по примеру дедушки опускаю в лунку руки, мою их. Вода уже светлая, грязь враз сошла. От холода ломит пальцы. По центру лунки небольшой фонтанчик толкает мою руку с большой силой. Так же в ответ, где-то в горле, бьётся моё сердце, то ли от страха, то ли от восторга.

Всю следующую неделю мы ходили по дну оврага, искали и освобождали родники. Я брал с собой брезентовую сумку из-под старого противогаса и носил в ней гальку, чтобы украшать роднички. Дедушка улыбался и не возражал. В тот год мы нашли больше десяти родников. Насколько больше, я не знаю, я тогда умел считать только до десяти. К концу лета я подзабыл про это приключение за играми во дворе, походами с бабушкой за травами в лес, за ягодами-грибами на опушки и полянки.

Но как-то утром меня позвал дедушка:

– Пойдём, Серёжа, поздороваемся с родниками!

– С родниками? – спросил я. – Будем новые искать?

Дед улыбнулся и просто сказал:

– Пошли.

И мы пошли. Как и в прошлый раз, мы очень долго шли через большое поле. Я искал глазами край ов-

рага, но неожиданно впереди на горизонте по глазам блеснуло серебром!

– Смотри, Серёжа, это наши родники слились!

Перед нами во все стороны раскинулось зеркало большого озера. Противоположный берег был едва различим и виделся узкой полоской.

Так из высохшего старого болота и страшного оврага своими руками мы с дедом сотворили чудо. Я очень благодарен, что дед показал мне красоту простых вещей и научил любить жизнь.

Теперь, когда я слушаю чей-то пульс, всегда вспоминаю, как в мою ладонь бился родник – пульс Земли, пульс жизни. Когда в душе человека красота, он делает и открывает красоту, а когда там старое болото, то получают только кочки и чавкающая грязь...

На следующий год на озеро прилетели дикие гуси и несколько пар лебедей.

ПЕРВАЯ РЫБАЛКА

Автобус мчится по трассе. За окном поля, лесополосы, иногда мелькают домики садоводческих товариществ. Степи заканчиваются, начинается холмистая местность. Одна гряда огромных холмов сменяет другую. Кажется, что огромный великан насыпал их полосками, как хлебные крошки. Солнечно. Мы едем с дочерью «на дачу» спасать огород.

Наконец автобус сворачивает с трассы и въезжает в посёлок. Остановка. Мы прибыли. Будем повышать дочкин иммунитет, полоть и поливать огородные грядки, пока их хозяйка отправилась в Горную Шорию в турне или хадж вежливости по своим многочисленным родственникам. В общем, наша бабушка устроила себе двухнедельный отпуск.

Выгружаемся из автобуса на асфальтированную площадку, с краю которой стоит лавочка с навесом, гордо именуемая – автовокзал. На табличке навеса надпись: с. Калистратиха.

Несмотря на то что село имеет старинное название и основано аж в 1776 году, исторических построек в селе не сохранилось, а из всего цивилизованного благоустройства – новый мост на въезде в деревню да центральная асфальтированная дорога, школа, сельсовет и пара магазинов. В общем, деревня как деревня, разбросанная на огромных живописных холмах на берегу Оби, как говорится, не лучше и не хуже других.

Идём по обочине. Кажется, что дорога, петляя вокруг холмов, никогда не закончится. Сумки гирями висят на руках, солнце припекает спину. Дочка с любопытством изучает окрестности.

– Папа, папа, смотри. А это что? Это такой огромный укроп?

– Нет, это борщевик, очень ядовитое растение! Его случайно вывели учёные-генетики. Думали, что получится много корма для коров, но оказалось, что получился злейший ядовитый сорняк. Так иногда

вмешательство в природу приводит к плохим результатам, – объясняю я.

За разговорами подходим к нужному адресу.

Металлический забор, окрашенный в ярко-зелёный цвет, с калиткой, закрученной на большой болт вместо замка. За оградой дом. Обычный прямоугольный с боковым крыльцом и двускатной крышей из волнистого шифера. Ставни закрыты, оттого походят на узкие бойницы и дом напоминает больше военное сооружение, чем летнюю дачу. Входим. Мы на месте. Началась дачная жизнь.

По утрам мы вставали, завтракали на скорую руку бутербродами и вместе с дочерью отправлялись на грядки в огород, пока солнце не встало в зенит и не началась жара. Огородничество не занимало много времени, и к обеду все работы заканчивались. Дни тянулись за днями. Один похожий на другой, – тоска смертная. Единственное, что спасало, – это ежедневное купание в надувном бассейне. Плюхаясь в воде, дочка вдруг спросила:

– Папа, а что такое рыбалка? Это когда рыбу из речки ловят? А как ловят? А ты умеешь ловить?

Я не успевал отвечать на все вопросы, а дочка сыпала ими как из решета.

Справедливости ради надо отметить, что места для рыбалки здесь знатные. Всяк рыбак найдёт себе по плечу вариант порыбалить.

Через всё село в несколько ручьёв, сливаясь, протекают две речушки Ераска и Калистратиха. В полях два наливных озера с рыбой: Первая и Вторая бригады, по названию полевых станов, оставшихся ещё с советских времён.

А прямо напротив деревни, посреди реки Обь, расположилась компактная группа больших островов под общим народным названием – «остров Железный» – излюбленное место рыбаков, предпочитающих «серьёзную» рыбалку. Острова называются так по двум причинам: в стародавние

времена расцвета горнорудного дела здесь добывали глину с высоким содержанием металлов, а через много лет жители стали находить железные кандалы каторжников, которых, по преданию, свозили на острова и оставляли умирать. Жуть жуткая, но сейчас эти события канули в Лету, а вот название в народной памяти осталось. И репутация, что места тут рыбные.

– Пап, а пап?! Ну, папочка! – теревит меня за рукав дочка. – А давай сходим на рыбалку?

– А давай! – соглашаюсь я. – Только придётся очень рано вставать и с вечера накопать червей.

– Червей?! – испуганно говорит дочка. – Фу! Они такие страшные и противные. Я их боюсь! – честно сознаётся ребёнок.

– А рыба их очень любит! Без дождевых червей на рыбалке никак! Но есть вариант, – говорю я и загадочно улыбаюсь.

– Какой? – с надеждой в голосе спрашивает Арина.

– В этот раз червей буду копать и насаживать на крючок я, идёт?

– Идёт, идёт! Ты лучший! – радостно кричит и прыгает от радости дочка. На том и порешили.

На следующий день вечером при рыллении грядок вместе с дочерью даже не накопили, а наловили червей. Полную банку! Проверили снасти. Наконец все приготовления окончены.

Ребёнка как подменили, то не уложишь – не поднимешь, а тут дисциплина!

– Пап, а пап! Ты будильник поставил? А он зазвонит? Уже пора спать?

– Спокойной ночи, дочка! – говорю я Арине, рассказываю короткую сказку, и дочь мгновенно засыпает.

– Бж-ж-жи, Бж-ж-жи... – рычит будильник и будит нас. Встаём без раскачек.

Не успел я поставить чайник и собрать с собой завтрак, а дочка уже одета и готова к выходу. Вот чудеса – метаморфозы.

Прямо с крыльца нас встречает густой, как сметана, туман, дохнув в лица своей сырой прохладой. В воздухе пахнет сеном, грибницей и парным молоком. Тишина. Где-то вдали промычала корова. Зябкожимаем плечами, скорее от волнения, чем от холода. Это наша первая с дочерью рыбалка. Закрываем калитку и, держась за руки, чтобы не потеряться в тумане, идём по деревенской улице.

Как в любимом мультфильме «Ёжик в тумане», периодически, то слева, то справа, тёмными пятнами сквозь молоко тумана появляются силуэты соседских домов и заборов.

С каждым шагом воздух становится более прохладным и влажным. Река уже рядом, слышен её шум. Туман начинает рассеиваться.

Неожиданно до уха доносится резкий звук моторной лодки. Дочь вздрагивает. Мы на высоком берегу Оби. Внизу огромный обрыв, отмель и река. Из-за холмов поднимается солнце, всё вокруг освещается розово-золотистым светом. Туман рассеялся. Рассвело.

– Как красиво! Ого, какая огромная река! – в восторге говорит дочка.

Полюбовавшись красотой рассвета, спускаемся по тропинке в то место, где река Ераска впадает в Обь. Это излюбленное место рыбалки всей местной детворы.

Мы первые. Выбираем на бережку место поудобнее. Промеряю удочкой глубину, чтобы выставить поплавок. Нахожу рядом омут, и мы располагаемся. Тишина режет слух. Неожиданно раздался всплеск, и вдали в воде мелькнуло что-то чёрное. Это выдра вышла позавтракать, значит, утренняя рыбалка началась.

Насаживаю на крючок червя. Показываю, как правильно забросить удочку, чтобы леска не запуталась. Дочка впитывает каждое слово и движение.

Устанавливаю удилище в рогатины, и мы в две пары глаз следим за поплавком. Первая поклёвка не заставила себя долго ждать. Поплавок задёргался, чуть пошёл в сторону... «Клюёт!» – радостно вскрикнула Арина, схватила удочку и выдернула из воды леску. Голый крючок блеснул на солнце. Рыбы не было.

Насаживаю нового червя, повторяя всю процедуру. Объясняю дочери, что на рыбалке главное – терпение, внимание и быстрота реакции.

– А давай вместе? Я буду подсказывать, а ты делай, – предлагаю дочери помощь.

И снова в две пары глаз смотрим на поплавок. Через некоторое время по воде поплыли круги, поплавок стал подёргиваться. Говорю:

– Внимание!

Дочка аккуратно взяла удилище в руки и встала наизготовку. В это мгновение поплавок чуть нырнул. Кричу:

– Клюёт! Подсекай!

Арина резким, но главным движением чуть в сторону выдёргивает леску из воды. Удилище прогнулось, и над водой блеснула рыба. Дочка отвела удочку на берег, и рыбина плюхнулась в траву.

Помогаю снять с крючка, и опускаем улов в ведро с водой. Это карась! Дочка в восторге!

– А теперь давай сама! – говорю дочери, и мы продолжаем рыбалку.

– Клюнуло! – кричит Арина. Над водой блеснула рыба, сделала в воздухе сальто, плюхнулась в воду и исчезла в реке.

– Тише ты! – неожиданно раздаётся голос

мальчишки из соседних кустов. – Тише, а то всю рыбу распугаешь!

Мы и не заметили, что уже не одни. Рыбалка в разгаре.

– Я вчера в этом омутке знатно порыбалил, – говорит дочери из кустов мальчишка примерно её лет. И с сожалением в голосе продолжает: – А сегодня вы – первые, но делать нечего, кто первый... того и место...

Через четверть часа двум рыбакам уже не до меня. Менторским тоном, по-деловому надувая щёки, мальчишка учит Арину азам и премудростям рыбной ловли.

– Снасть у тебя для Ераски добротная. Удочка – огонь, лёгкая как пушинка, не то что моё бревно. И крючки грамотно подобраны. Но с такой снастью на Обь не сунешься, дело не пойдёт – там рыба крупная. Да и с берега толку мало, там на лодке надо или с острова. Меня в прошлом году дядька брал на Железный, так я там вот такого подлещика сам поймал, – показывает, раздвигая туда-сюда ладони...

Улыбаюсь:

– Смотри, поклёвку проморгаешь! Вон клюёт...

Арина внимательно слушала, для неё рыбацкие разговоры в новинку. До моего уха опять доносится: – Сюда щука не заходит, ей тут мелко. А ондатра сильно не шалит!

Мальчишка ещё долго с видом бывалого знатока рассказывает нам с дочерью о повадках различных рыб, о рыбных местах...

– Ах, вот ты где, паразит! Опять на рыбалке! Я тебя куда послала? А?! Я тебя послала козу домой привести, а ты что? Опять издеваешься над

бедным животным?! – неожиданно раздался резкий женский голос.

– Ну, мам! – произнес протяжно наш рыбачок.

Женщина не унималась, не обращая ни малейшего внимания на окружающих. Мальчишка мгновенно скрутил удочку и, не прощаясь, уже убегая, напоследок сказал:

– Ну, вы тут рыбальте, а я пока... – и по берегу засверкали его пятки под гневное бурчание вслед.

Рыбалка продолжалась до полудня. Стало жарко. От жары не спасали даже близость воды и тень от раскидистых крон деревьев. Когда солнце встало в зенит, клёв совсем пропал. И червей пожирнее насаживали на крючок, и место меняли, но ничего не помогло. Рыба наелась и отдыхала. В тот день совместно мы поймали около дюжины карасиков размером «в ладошку». Но тот, первый, был самый крупный и самый, как потом оказалось, вкусный.

Перед сном.

– Пап, а пап!

– Что, доченька? – спросил я.

– А давай завтра снова на рыбалку пойдём, – сквозь сон говорит Арина.

– Давай, – соглашаюсь, и мы засыпаем.

На следующий день начались затяжные дожди, и мы в то лето так больше и не сходили на рыбалку. Но эта первая рыбалка осталась с нами навсегда. Червей дочка так и не перестала бояться, и я подарил ей на день рождения небольшой спиннинг. Обязательно опробуем! В другой раз. Мы теперь с дочкой рыболовы!

□

Сергей Юрьевич КАЛИНИН

(литературный псевдоним – Сергей Тверский) –

публицист, поэт, прозаик.

Родился в 1971 г., вырос и живет в городе Барнауле.

Профессиональный юрист,

член Ассоциации юристов России.

Начал писать в юности.

В 1989 г. – слушатель литературной студии «Родничок»

при Алтайском отделении Союза писателей СССР.

Современный автор, работающий в различных жанрах.

Публиковался в периодических изданиях России, Беларуси, Австралии.

В журнале «Север» публикуется впервые.

